

На правах рукописи

4839722

ЖИЛЯКОВ Сергей Викторович

**ЖАНРОВАЯ ТРАДИЦИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ-«ПАМЯТНИКА»
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII-XX вв.**

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01 — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'ЖИЛЯКОВ'.

03 MAR 2011

Елец — 2011

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И.А.Бунина»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **Иванюк Борис Павлович**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Дудина Татьяна Павловна**

кандидат филологических наук,
доцент **Рудомазина Татьяна Борисовна**

Ведущая организация: **Ивановский государственный
университет**

Защита состоится 15 марта 2011 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.059.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Елецком государственном университете имени И.А.Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в научном отделе библиотеки Елецкого государственного университета имени И.А.Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, ауд. 300.

Автореферат разослан «10» февраля 2011 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета:

А. А. Дякина — Дякина А.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Стихотворение-«Памятник» в истории мировой литературы — явление одновременно и знакомое, и недостаточно исследованное, до сих пор представляющее интерес для литературоведов. Существует сложившаяся многовековая традиция написания «Памятника», имеющая истоки в древнеегипетской прозе. Таковым текстом является анонимное «Поучение писцов». Уже оно задает жанровые архетипы стихотворения, связанные с тематикой вечности, вневременности пребывания, уникальности, которые на протяжении веков по-своему преломляются через мирообраз поэта в контексте художественных парадигм разных литературных эпох.

Феномен «Памятника» относительно давно стал объектом научного изучения отечественных и зарубежных литературоведов Г. Шенгели, Н.В. Моревой-Вулих, И. Клейна, В. Пешля, Р. Войтеховича и др. В частности, «Памятником» как особой модификацией хвалебной оды занимались М.П. Алексеев, Л.В. Пумпянский, М.Л. Гаспаров, как вид экфразы (описание памятника) «Памятник» рассматривался в трудах М. Рубинс и Р. Якобсона, в связи с другими малыми жанрами ему уделяется внимание в работах А.В. Ильичева, С.А. Шульца. Однако в литературоведении отсутствуют исследования «Памятника» в системе лирических жанров, тематической доминантой которой является мотив памяти (эпитафия, плач, реквием), а также работы, основанные на сопоставлении «Памятника» с такими близкими ему в структурно-тематическом отношении жанрами, как стихотворное утешение, «последнее стихотворение», стихотворное завещание.

Так, Г. Шенгели в статье «Два «Памятника»: сравнительный разбор озаглавленных этим именем стихотворений Пушкина и Брюсова» (Пг., 1918 г.) выявляет особенности каждого из «Памятников» обоих поэтов, подчеркивает модернистский характер стихотворения Брюсова на фоне русской традиции. Продолжает сравнительный анализ «Памятников» М.Л. Гаспаров в статье «Топика и композиция гимнов Горация» (1997 г.), акцентируя свое внимание

на хронопических изменениях в одах Державина и Пушкина в сопоставлении с горацианской.

Новое прочтение оды Пушкина предлагает в своем сравнительном исследовании Р. Войтехович «О горацианском претексте «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (Тарту, 2000г.). Н. В. Морева-Вулих в статье «Памятник» (СПб., 2000г.), опираясь на исследования немецкого академика В. Пешля, предлагает внести некоторые коррективы в понимание стихотворения Горация. Ода, по мнению исследовательницы, является «пример устремления римлян к монументальности, к созданию вечных, непреходящих ценностей, к широте и размаху».¹ М.П. Алексеев «Памятнику» Пушкина посвящает целую книгу „Я памятник себе воздвиг...“. Проблемы изучения» (Л., 1987 г.), в которой при исследовании известного стихотворения сочетаются оба подхода: компаративный и имманентный. Согласно автору, «Памятник» представляет собой стихотворение-автопортрет. Л.В. Пумпянский в работе «Об оде Пушкина „Памятник“» (М., 1977 г.) рассматривает стихотворение в рамках одописной традиции как особый вид торжественной оды, возникающий на определенном историческом этапе развития национальной литературы. Историко-биографический контекст «Памятника» привлекает И. Клейн в статье «Поэт-самохвал: „Памятник“ Державина и статус поэта в России XVIII века» (М., 2004 г.). Вывод, к которому приходит исследователь, можно резюмировать следующим образом: факт написания стихотворения обусловлен историко-культурными обстоятельствами, сложившимися в XVIII веке в России, в частности, биографическими чертами Державина («как из неизвестности я тем известен стал»), сходными с Горацием. Об использовании «Памятника» в качестве демонстрации архитектурной аллегории экфразы говорит в своем труде «Пластическая радость красоты: экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция» (СПб., 2008) М.Рубинс. Экфрасистические мотивы «Памятника» раскрывает Р. О. Якобсон в «Работах по поэтике», в частности, в статье «Статуя в поэтической мифологии Пушкина» (М., 1987 г.).

¹ Морева-Вулих Н.В. Римский классицизм: творчество Вергилия, лирика Горация. - СПб., 2000. - С. 267.

Интертекстуальный подход А. В. Ильичева позволяет рассмотреть стихотворение Пушкина сквозь призму православной христианской традиции («Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» – СПб., 2007г.). В частности, исследователь считает, что на поэтику этого стихотворения повлиял жанр «Слова на погребение», распространенный в литературе русского Средневековья. Историк русской литературы С. А. Шульц исследует аналогичные мотивы памятника у Пушкина и Гоголя в работе «Топика памятника в творчестве Гоголя и пушкинская традиция» (М., 2007 г.).

Во всех перечисленных работах исследуются «Памятники» отдельных авторов. Так как стихотворение-«Памятник» уже имеет свою достаточно сложившуюся традицию в рамках не только русской, но и западноевропейской литературы, обладает своей особой поэтикой и связано со многими жанрами, в первую очередь, обслуживающими тему памяти, (мнемоническими), то оно требует комплексного изучения, наиболее глубокого исследования, учитывающего все его жанровые особенности.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, сложившейся традицией стихотворения-«Памятника» как в русской, так и в зарубежных литературах, а с другой, – теоретической непрямолинейностью его статуса в лирической жанровой системе. Изучение стихотворения вне контекста жанровой системы не дает ответа на вопрос о долговечности «Памятника», пережившего одическую традицию и приспособившегося к новым литературным условиям.

Основным объектом исследования является история стихотворения-«Памятника» в зарубежной литературе от античности до современности и в русской поэзии XVIII – XX веков.

Предметом исследования стала структура стихотворения-«Памятника» в контексте мнемонических и иных лирических жанров.

Материалом для работы послужили тексты русского и зарубежного стихотворного «Памятника».

Цель исследования заключается в аналитическом описании истории русского стихотворения-«Памятника» в контексте лирических жанров и зарубежного опыта разработки этого поэтического феномена. В соответствии с целью исследования поставлены следующие задачи:

1) определить структурно-тематическое своеобразие «Памятника» в системе мнемонических и других лирических жанров: экфразе, плаче, эпитафии, стихотворении-утешении, стихотворении-завещании, «последнем стихотворении»;

2) описать генезис и развитие «Памятника» в зарубежной литературе в контексте мнемонических жанров;

3) дать аналитическое описание наиболее репрезентативных образцов стихотворного «Памятника» в истории русской поэзии ХУШ-ХХ веков.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые осуществлено исследование стихотворения-«Памятника» в системе мнемонических жанров, выявлена его специфическая жанровая природа, представлена отечественная и зарубежная история «Памятника» в его феноменальном многообразии и типологических вариантах.

В исследовании были использованы аналитико-описательный, структурно-семантический, сопоставительный, компаративный, контекстуальный и системно-типологический методы прочтения и интерпретации художественного текста.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Стихотворение-«Памятник» – самостоятельный жанр художественной литературы, имеющий тематическую и структурную определенность, свою особую поэтику.

2. Стихотворение-«Памятник» является синтетическим жанром мнемонической жанровой системы, непосредственно структурирующим в себе тематико-стилевые элементы эпитафии, реквиема, торжественного плача, а также признаки иных жанров, опосредованно соотносимых с ним – стихо-

творной молитвы, стихотворения-утешения, экфразы, стихотворения-завещания.

3. История отечественного стихотворения-«Памятника», вписывающаяся в историю русской поэзии, в зарубежную историю этой жанровой формы и развивающаяся в контексте основных закономерностей и тенденций общеевропейского жанрового процесса, характеризуется двумя периодами – классическим и неклассическим – и представлена разнообразием соответствующих жанровых модификаций и вариантов.

Теоретической базой исследования стали положения, разработанные в трудах литературоведов и философов, занимающихся проблемами философия текста (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, В. Дильтей), исторической поэтики (С.С. Аверинцев, С.Н. Бройтман, Д.С. Лихачев, Ю.Н. Тынянов, О.М. Фрейденберг); жанрологии (М.М. Бахтин, Б.П. Иванюк, А.П. Казаркин, Н.Л. Лейдерман, Н.Р. Лысенко, В.И. Тюпа, Ю.В. Шатин, В.Г. Шукин), анализа художественного текста (М.Л. Гаспаров, Н.Ф. Конявская, Ю.М. Лотман, Е.З. Тарланов, В.Н. Турбин); сравнительного литературоведения (М.П. Алексеев, В.М. Жирмунский, С.В. Мокульский, А.А. Смирнов); а также проблемой стихотворения-«Памятника» (М.П. Алексеев, Р. Войтехович, М.Л. Гаспаров, А.В. Ильичев, Т.Г. Мальчукова, Н.В. Морева-Вулих, Л.В. Пумпянский, Г. Шенгели, С.А. Шульц).

Теоретическая значимость диссертации связана с тем, что в ней выявляются жанровая специфика стихотворения-«Памятника», его структурно-стилевое своеобразие в системе мнемонических и иных лирических жанров, разнообразие исторических модификаций стихотворения-«Памятника» и вариантов использования его мотивов.

Практическая значимость работы связана с возможностью использования ее результатов в учебных (основных и специальных) курсах по истории русской поэзии и теории литературы, в частности, при изучении отечественной истории лирических жанров и теоретической жанрологии.

Апробация диссертационного исследования осуществлялась на между-

народных, межрегиональных научных и научно-практических конференциях в Ельце (2010), Белгороде (2006, 2007, 2010), Ставрополе (2007), Москве (2008). По теме диссертации было опубликовано 6 статей, из них одна в ведущем рецензируемом научном журнале, определяемом ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и библиографического списка (217 позиций).

Основное содержание работы

Во введении рассматривается история вопроса, обосновывается актуальность темы исследования, определяются объект и предмет работы, ее цель и задачи, излагаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, указываются методологические ориентиры, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава - «Стихотворение-«Памятник» в системе лирических жанров» носит теоретический характер.

Опираясь на работы С.С. Аверинцева, Н.Ф. Копыстьянкой, Н.С. Лейдермана, Б.П. Иванюка, Ю.В. Шатина и др., в которых литературный жанр осмысливается в контексте исторической поэтики, и идентифицируя стихотворение-«Памятник» как жанровый феномен, мы прослеживаем его историю в контексте общей эволюции жанра как такового, а также в системе лирических жанров.

Включая стихотворение-«Памятник» в мнемоническую жанровую систему, определяемую типологией посмертной памяти о лирическом герое, мы выявляем его взаимосвязь с разными жанрами данной системы. Этому посвящен *первый параграф первой главы – «Стихотворение-«Памятник» и мнемонические жанры»*. Прежде чем обратиться к самому «Памятнику» Горация, мы обнаруживаем мотивы этого произведения в древнеегипетском анонимном прозаическом «Поучении писцов», в котором утверждается, что письменное слово долговечнее разрушающихся от времени архитектурных

памятников (пирамиды, «расписные надгробия»). Эта мысль впоследствии будет всегда воспроизводиться в классических вариантах стихотворения-«Памятника».

Стихотворение-«Памятник» Горация выражает желание лирического героя «победить» смерть и остаться в памяти потомков навечно благодаря поэтическим заслугам («первым песнь эолийскую перелил на италийский лад», т.е. приобщил греческие стихотворные размеры и строфику к латинской поэзии). Хотя мотив поэтических заслуг будет дублироваться в последующих «Памятниках», нам было важно выявить структурный состав стихотворения для того, чтобы определить его связь с системой мнемонических жанров.

Мотивный анализ, с одной стороны, стихотворения-«Памятника», и таких жанров, как торжественный плач, эпитафия, стихотворение-завещание, реквием, «последнее стихотворение», — с другой, позволил констатировать наличие в его составе соответствующих разножанровых мотивов. Структурируются в тексте стихотворения-«Памятника» эпитафия, торжественный плач и реквием, тематически сосредоточенные на прославлении заслуг умершего. Причем, посмертная слава лирического героя (поэта) намекает на жанровые признаки торжественного плача и реквиема, а упоминание заслуг — эпитафии. Стихотворение-завещание и «последнее стихотворение» соотносятся с «Памятником» функционально — по времени написания произведений; как правило, они подводят итог всего творчества поэта и призваны осознать завершение его жизненного пути. «Памятник» и явился заключительным (рубежным) в первом сборнике од, написанном Горацием в 23 г. до н.э.

В работе отмечены наиболее важные черты поэтики стихотворения-«Памятника». Пространство славы поэта соответствует национальной географии, время славы определено вечностью, равновеликой Риму. Эти хронотопические ориентиры служат общим местом жанра «Памятника» в его исторической перспективе, его определителем, согласно триаде «жанр-локус-хронотоп», выработанной В.Г. Щукиным. Соперничество образа памятника

как воплощения славы поэта с великими архитектурными сооружениями («пирамид выше царственных» у Горация), будь то: пирамиды, надгробия, маяки, столпы, склепы, намекающие на славу владычествующих персон, в честь которых они возводились, является также атрибуцией стихотворения-«Памятника». Кроме того, к структурным константам «Памятника» Горация, а впоследствии и многих образцов этого жанра, относится противостояние образа памятника губительным природным стихиям. К ним относятся дождь, ветер, время и их синонимические варианты.

Второй параграф первой главы: «Жанровые мотивы утешения, молитвы и экфразы в структуре стихотворения-«Памятника» сосредоточен на рассмотрении исторической типизации данных жанров, выявлении их важнейших жанровых атрибутов. Так, в структуру «Памятника» Горация в качестве обращения к Музе входит жанровый мотив молитвы. Кроме того, внутритекстовое оформление получает мотив утешения в месте, обозначенном стихом: «Нет, не весь я умру, большая часть меня избежит похорон...». А описание памятника является архитектурной аллегорией, конституируемой, прежде всего, экфразой, начинающей стихотворение римского поэта.

Таким образом, «Памятник» Горация, с нашей точки зрения, не только представляет собой некую идеальную модель жанрового типа словесного произведения, определяемую традицией, структурно-тематическим единообразием, «особенностями адресата, утилитарно-функциональными характеристиками, на которую ориентируется автор»,² но и вместе с тем образует наджанровое синтетическое единство — текстуальный симбиоз отдельных малых жанров и жанровых мотивов, как мнемонических (торжественный плач, эпитафия, реквием, стихотворение-завещание, «последнее стихотворение»), так и других (экфраза, стихотворение-утешение, стихотворная молитва).

² Такое определение жанра в качестве рабочего применяет современная исследовательница Е.Л. Конаяская (Конаяская Е.Л. «Границы» древнерусской литературы и проблема жанров // *Жанры и формы в письменной культуре Средневековья*. – М., 2005. – С. 255).

Во второй главе — «Тематические мотивы Горацианского «Памятника» в жанровой традиции зарубежной поэзии» мы обращаемся к истории жанровой традиции стихотворения-«Памятника» в зарубежной поэзии, к анализу его модификаций. Такое обращение объяснимо тем, что анализ отечественного «Памятника» в отрыве от зарубежной традиции не будет достаточным для выявления его специфической жанровой истории.

Вслед за «Памятником» Горация на римской почве возникают его мотивные варианты в лирике Овидия, в частности, в III и V книгах «Скорбных элегий». Мотив вечности своей славы, воплощенный в образе памятника, Овидий использует в воображаемой автоэпитафии, где после стандартной формулы, указывающей на личность покойного, следуют слова сетования о том, что к надгробной надписи не следует добавлять: «памятник создан / Книги надёжной гробниц увековечат певца». Аллюзия этого фрагмента через апофатическое отношение к собственной славе отсылает нас сразу к двум литературным прототипам — горацианскому «Памятнику» и анонимному древнеегипетскому «Поучению писцов», в коих сравнение словесного памятника с пирамидами и гробницами также очевидно. Второй вариант того же жанрового мотива «Скорбных элегий» адресуется жене, в этом случае — манифестация собственной поэтической славы заменяется (в определенной степени и опосредуется) прославлением близкого человека. Впоследствии, в английской литературе, данный прием отзовется в сонетном творчестве У.Шекспира.

Интересный вариант использования мотива «Памятника» находим в «Метаморфозах» Овидия, в финале поэмы. Автор, констатируя окончание произведения, демонстративно провозглашает: «Вот завершился мой труд, и его ни Юпитера злоба / Не уничтожит, ни меч, ни огонь, ни алчная старость». Парофраза-аллюзия «Памятника» Горация начальных стихов финального фрагмента «Метаморфоз» распространяется на весь последующий текст. О том, что Овидий наследует Горацию в праве быть прославленным потомками в веках, говорят окончательные стихи поэмы: «Всюду меня на земле, где б власть ни

раскинулась / Будут народы читать, и на вечные веки, во славе Рима, / Ежели только певцов предчувствиям верить – пребуду». Если в «Скорбных элегиях» наблюдается простое вплетение мотива «Памятника», то в «Метаморфозы» включается вся жанровая форма произведения целиком, занимающего вдобавок в основном тексте поэмы место «последнего стихотворения». Причем, финальные строки Овидия не обладают никакими приметам других мнемонических жанров, если не считать торжественного плача. Как и в нем, в заключительных стихах «Метаморфоз» прославляется память об усопшем (воображаемом) без уточнения заслуг и каких-либо биографических данных, характерных для эпитафии. Заметим, что традиция репрезентации «Памятника» как «последнего стихотворения», начатая в европейской литературе Овидием, формируется и в восточной поэтической практике. Так, «Пять поэм» Низами завершаются строками, аналогичными «Памятнику».

Мотив «Памятника» функционирует в элегии Проперция, римского поэта, современника Горация, в качестве жанровой вставки. Автор, превознося военные заслуги и доблесть Августа, не забывает напомнить о своей будущей славе в веках, благодаря поэтическому искусству, позволяющему оставить после себя словесное наследие.

Помимо горацианской традиции стихотворения-«Памятника», продолженной П. Ронсаром, А. Мицкевичем, Г. Державиным, А. Пушкиным и др., античный стихотворный «Памятник» представлен и другой жанровой версией – экфразой (экфрасисом). В этом плане закономерным является обращение к одному из зачинателей экфрастической традиции – к римскому поэту I в. н.э. Публию Папинию Стацию. Именно у него мы находим занимательную экфрастическую эпиграмму «Конная статуя Домициана», отсылающую читателя к началу «Памятника»: «Это творенье ни зим не боится дождливых, ни молний – Тройней Юпитера иль темницы Эоловой полчищ, / Ни бесконечных годов: оно будет стоять, пока своды / Неба стоят, и земли, и Рим...».

Типологическое сходство со стихотворением-«Памятником» выявляется у восточной, а именно, персо-таджикской средневековой касыды, в структу-

ру которой входит фахр, ставший позднее самостоятельным жанром самовосхваления.

Мотив «нерушимого памятника» отслеживается и в «Скорбных песнопениях» Григора Нарекаци, армянского поэта X века. Воплощенный в образе книги, он выполняет функцию завещания (как вариант завета), данного армянскому народу. В этом плане, задача, вменяемая автором книге типологически близка авторской установке «Памятника», его жанровому предназначению.

Сходство с «Памятником» обнаруживается и в творчестве П. Ронсара, поэта французского Возрождения. Первые четыре книги его од (1550 г.) содержали глубокие апелляции к античности в соответствии с литературным манифестом «Плеяды» – «Защитой и прославлением французского языка». Этот одический цикл Ронсара завершается позаимствованным у антиков обращением-просьбой «К Музе».

«Закончен труд, прочней и твёрже стали...» Ронсара восходит к «Памятнику» Горация и к стихотворению «Вот завершился мой труд...» Овидия; идеи этого стихотворения перекликаются с «Последними стихами», завершающими сборник «Од» (1551г), – автоэпитафией и стихотворной молитвой, формоизмененной в просьбу-приказ. Все важнейшие топосы, идеи стихотворения Горация сохранены Ронсаром, но онациональнены им, что впредь станет характерной особенностью других стихотворений-«Памятников».

Не осталась без внимания тема «Памятника» и в английской литературе Возрождения. Шекспир воспользовался его мотивами в своих сонетах. При этом возникает особый, новый поворот, в частности, в развертывании мотива посмертной славы. Шекспировские строки призваны преодолеть все преграды не ради сохранения в памяти потомков славы об их авторе, но для того, чтобы сохранить красоту и нежность его возлюбленной. Гибкая тема «Памятника» скрещивается с любовным сонетом.

Примечательна своей новизной импликация мотива «Памятника» в стихотворении шотландского поэта XVIII в. Р. Бернса «О памятнике, воздвигну-

том Бернсом на могиле поэта Роберта Фергюссона». В этом поэтическом отклике на простую надгробную надпись скрещиваются два мотива: памятника и эпитафийный. Точнее, мотив Памятника инкрустирован в текст эпитафии (и эксплицирован переводчиком в названии). Основным образом этого эпитафийного «Памятника» является образ камня, образ символический, со многими коннотациями (природа родины, национальные нравы и т.д.). Но он обладает, во-первых, полемическим характером в отношении к торжественным образцам «горацианского» памятника, а во-вторых, опосредованным, через авторскую симпатию к объекту своей рефлексии, высказыванием лирического героя о себе, что позволяет воспринимать стихотворение автоэпитафией самого Р. Бернса, а значит, в определенной мере, и его стихотворением-«Памятником».

В отличие от такого, параболического, варианта «Памятника» «Памятник» А.Мицкевича представляет собой непосредственную саморефлексию своих поэтических достижений. Функция польского «Памятника» не исчерпывается состязательностью с Горацием и его последователями, она связана с авторским осознанием своего национального значения. Поэтому в стихотворении выстраиваются новые отношения как с традицией, так и с мнемонической жанровой системой в целом. В структуре произведения отсутствуют мотивы стихотворной молитвы, утешения, презентация его как «стихотворения на случай» исключает соотнесенность со стихотворением-завещанием, с «последним стихотворением». Самовосхваление роднит его с торжественным плачем и эпитафией, а словесная игра (*munimentum* / *monumentum*) намекает на жанровые признаки экфразы. Гротескные «хранилища» поэтовой славы, простота почитателей поэта, сниженность лексики и т.д. свидетельствуют о нарочитом снижении жанрового стиля «Памятника», а в целом – о том, что жанр как ведущая категория литературы «рефлексивного традиционализма» (С. Аверинцев) и соответствующий ему жанровый стиль уступают место романтической поэтической воле и идиостилю, правда, пока еще в границах жанрового задания.

В «*Exegi monumentum*» Юлиана Тувима, польского поэта XX века, очевидно жанровые признаки греческой эпиграммы, в частности, эпитафии. В целом же, это стихотворение на фоне традиционных образцов стихотворения-«Памятника» представляет собой типичный случай «памяти жанра», и лишь его реминисцентное название актуализирует жанровую традицию гораціанского «Памятника».

Таким образом, стихотворение-«Памятник», представляющее собой единство мнемонических и иных лирических жанров – эпитафии, экфразы, плача, молитвы, утешения и др., на протяжении своей долгой эволюции в зарубежной поэзии являет множество разнообразных структурных и национальных вариантов. Среди них встречаются примеры как жанровой дубликации прото-«Памятника», в особенности, в эпоху «рефлексивного традиционализма» с характерным для нее соблюдением жанрового канона, так и модернизации, вплоть до пародирования, в основном, в постклассицистический период, в особенности, в XX веке. В связи с этим можно говорить о двух типах внутрилитературного восприятия стихотворения Горация.

Первый определяется подражанием (с разной степенью творческой свободы) гораціанскому образцу (Овидий, Ронсар, Мицкевич), второй – иноцелевыми заимствованиями различных жанровых мотивов «Памятника» (эпитафия, экфраза, стихотворение-утешение, «последнее стихотворение») в произведениях Овидия, Проперция, Стация, Г. Нарекаци, Р.Бернса, У.Шекспира, Я. Менарта, Ю.Тувима).

Третья глава «*Жанровая традиция гораціанского «Памятника» в русской поэзии XVIII-XX веков*» разделена на два параграфа. *Первый* — «*Классические жанровые модификации «Памятника» Горация*» посвящен описанию классических вариантов стихотворения-«Памятника» в русской литературе. *Во втором* — «*Русский неклассический «Памятник»* — рассматриваются модернистские и иные модели этой жанровой формы, их эволюция и связь с традицией и мнемоническими жанрами.

Первое представление «Памятника» в русской литературе встречается в «Риторике» М.В. Ломоносова, где ее автор использует собственный перевод Горациевого стихотворения в качестве образца торжественного слова. Вопреки тому, что такой функциональный перевод призван быть копией оригинала, в нем заметны серьезные новшества: образ памятника трансформируется в «знак бессмертия», словосочетание, открывающее широкий спектр для интерпретации, вместо «эолийский стих», читаем: «первому звенеть Алцейской лирой», тем самым свидетельствуя о своем литературном предпочтении гражданской поэзии Алкея любовной лирике Сапфо. В итоге получилось оригинальное произведение, не без биографического подтекста.

Стихотворение-«Памятник» в творчестве Державина не имеет торжественно-трагического пафоса, присущего образцу Горация, напротив, игровая тональность, «сердечная простота» модифицируют этот пафос. Важно то, что стихотворение написано «на случай», в нем отсутствуют мотивы «последнего стихотворения», стихотворения-завещания, мотивы других мнемонических жанров видоизменились.

Пушкинский «Памятник» с эпитетом «нерукотворный» находится в оппозиции к стихотворению-надписи и экфразе. Кроме того, обращаем внимание на то, что за три года до пушкинского текста (в 1833 г.) Мицкевич создает свой «Памятник», в связи с чем вполне уместно говорить об имплицитной полемике-контроверзе, которую ведет Пушкин, придавая «Памятнику» экспрессивный и колоритный эпитет.

Так, несмотря на интерполированные новаторства («памятник нерукотворный», иронизированное обращение к Музе, заведомо видоизменяющее мотив стихотворной молитвы, и т.д.), «Памятник» Пушкина традиционен, и, как многие предшественники, соблюдает законы жанра. Также, как и анализируемые стихотворения Ломоносова и Державина, он представляет собой русский вариант Горациевого «Памятника». Если говорить о конвергентности с системой мнемонических жанров, то он ближе всего приходится «последнему стихотворению», если же учитывать время его написания и функ-

циональную значимость, – к стихотворению-завещанию. В нем также наличествуют и все мнемонические мотивы, обозначенные в «Памятнике» Горация. Но есть и новации. Например, молитвенное обращение к Музе приобретает оттенок легкой иронии, а сама Муза из богини-вдохновительницы превращается в «подругу» поэта.

Ставший в XIX в. обычным литературным явлением, «Памятник» обогащается новыми тематическими и стилевыми вариантами. «Стихи на объявление памятника историографу Н.М. Карамзину» Н.М. Языков посвящает заслугам российского историографа. В стихотворении Е.А.Баратынского «Мой дар убог, и голос мой негромок...» выражено скептическое сомнение относительно посмертной славы поэта и памяти потомков. Произведение декабриста Г.С. Батенькова с подготавливающим читателя названием «Non exegi monumentum», написанное в 1856 году по выходе из тридцатилетней томской ссылки, явно полемизирует с жанровой традицией «Памятника», сохраняя при этом многие мотивы мнемонических жанров – утешения, эпитафии, стихотворной молитвы. Все трансформации жанровой традиции стихотворения-«Памятника» в XIX в. не разрушают жанровой матрицы горацианского образца.

Завершает классический период истории этой жанровой формы написанный в 1912 г. «Памятник» В.Я.Брюсова («Мой памятник стоит, из строф созвучных сложен...»). Он выражает модернистскую идею поэтического «Всемирного храма» («Sume superbiam...» из одноименного стихотворения Горация, предпосланное в виде эпитафии к брюсовскому тексту). Однако в нем сохраняются все общие места горацианского и вместе с ним отечественных предшествующих образцов (национальная география распространения славы, несокрушимость памятника и т.д.). Соотносится «Памятник» Брюсова и со стихотворением-завещанием, структурирует в себе элементы экфразы, эпитафии (перечисление заслуг), содержится в нем также намек и на жанр утешения.

В XX в. стихотворение-«Памятник» не исчерпывается традиционными модификациями. Наступает новый этап восприятия жанровой традиции «Памятника» отечественной поэзией, ознаменовавшейся пестротой его авторских представлений. Именно об этом говорится во втором параграфе.

В неоконченной поэме Маяковского «Во весь голос» традиционная идея поэтического памятника замещается идеей гражданского памятника, «Я» поэта кооперируется с «мы», личные заслуги творца редуцируются для репрезентации коллективных заслуг перед историей, образ материального памятника умалется и, наоборот, создается идеологический, воплощаемый в новом общественном строе, политическая ангажированность автора перевешивает его творческие, имеющие, прежде всего, общественное значение заслуги.

«Иронический памятник» В. Каменского в жанровом плане можно квалифицировать как стихотворение-инвективу, которое содержит в себе сознательную установку на полемический опыт предшествующей традиции этого жанра. Полемическое отношение к поэтической славе, а через нее и к памятнику, начатое В. Маяковским и В. Каменским, продолжается в «Памятнике» В.С. Высоцкого.

Поэтом представлена своя версия «антипамятника»: провозглашается идея живого слова, живого образа поэта, прижизненной славы; в стихотворении мало что остается от традиции, кроме общей тематической направленности, «память» мнемонических жанров в структуре стихотворения полностью стирается, однако прослеживается косвенная связь с экфразой.

В целом, существенное отличие произведений Маяковского, Каменского и Высоцкого от горацанского и прогорацанских русских образцов заключается в том, что если традиционный памятник предстает символом поэтической славы, поэтому он метафоричен и вместе с тем метафизичен, то у названных трех поэтов памятник становится сугубо материальным объектом, тем самым профанируется его значение.

Иная стилистическая версия стихотворения-«Памятника» – ироническая – представлена именами Вл. Ходасевича и М. Генделева. «Во мне конец, во

мне начало...» Вл.Ходасевича лишь слабыми намеками связано с традицией «Памятника». Это совершенно иное стихотворение, в котором отсутствуют «общие» места — заслуги поэта, обращение к Музе, патетическая модальность и т.д. Пожалуй, единственным свидетельством отношения стихотворения к жанровой традиции является «память жанра».

«Памятник» М. Генделева представлен дистихом: «Над лысым черепом любви / Соорудим из пальцев «V»». Сохраняя торжественно-патетический лад, поэт редуцирует жанровую структуру стихотворения-«Памятника» до стихотворной надписи. Из всего вероятного лексического набора традиционного «Памятника», структурированного в его жанровом стиле, сохраняется лишь глагол «соорудить», актуализирующий в читательском сознании и буквальное, и метафорическое значения строительного материала для памятника. Латинская (намек на Горация) буква “V” приобретает очевидную двусмысленность. Она выражает и победу («Виктория») и «козу» (рожки из пальцев над головой), и эти противоположные значения в своей взаимокоррекции создают итоговое отношение к умолчанному предмету коллективной (поколение шестидесятников) рефлексии — пролетарскому вождю.

Оба анализируемых произведения — Ходасевича и Генделева — представляют собой мнемоническую аллюзию на традиционный «Памятник», аллюзию, являющуюся основной фигурой «памяти жанра».

Кроме иронической рефлексии и полемики с традицией «Памятника» в русской поэзии XX века представлена и рецепция «Памятника», обусловленная столь характерной для последних десятилетий «игрой с традицией». Начало этой тенденции положил И. Бродский. Его «Я памятник воздвиг себе иной...» диссонирует с традиционными образцами стихотворения, включая и отечественные. Травестия проявляется не только в образной системе произведения, но также в географии распространения славы. Она уменьшена до родного двора. В содержании отсутствует мотив славы, поэтических заслуг, а значит «Памятник» не соотносится ни с эпитафией, ни с торжественным плачем. В нем не содержится также жанрового признака утешения, есть намек

на стихотворную молитву, правда, сниженной до дружеской просьбы, нали- чествуют жанровые приметы экфразы.

Пародийной версией игрового отношения к «Памятнику» является цикл стилизаций В. Шендеровича под Б. Окуджаву, Р. Гамзатова, Ю. Левитанско- го, Ю. Мориц, С. Михалкова, в каждой из которых в контексте «памяти жан- ра» «Памятника» воспроизводятся типовые признаки авторского идиостиля.

Композиция «Памятника» М. Сухотина основана на комбинационной игре с цитатами из «Памятников» Горация, Ломоносова, Державина и Пуш- кина. Так, диахроническое состязание между величайшими поэтами собрано в пространстве одного текста, тем самым непосредственно реализовался принцип агона, заложенный как в истории «Памятника», так и имманентно в нем самом, а сам «Памятник» приобрел признаки стихотворения-центона и даже компьютерного текста, текста мобильного сообщения, интернет- переписки в социальных сетях. Разумеется, в этом тексте уже нет никаких намеков на связь с «Памятником» как жанром и с мнемоническими жанрами вообще.

В структуре стихотворения-«Памятника» Л.В. Виноградова осуществля- ется модель соперничества с авторами одноименного стихотворения, провоз- глашается попытка «повторить неповторимое», стремление на основе прой- денного опыта создать свое творение. «Памятник» Виноградова раскрывает психологическую установку поэта на вечное существование поэзии благода- ря перманентному состязанию с предшественниками в рамках одного худо- жественного целого. Автор замыкает цикл развития «Памятника» с тем, что- бы раскрыть его сущность, которая на протяжении исторического времени оставалась текучей и подвижной.

В «Заключении» подводятся итоги работы, делаются общие выводы о результатах исследования. Основной вывод сводится к тому, что стихотворе- ние-«Памятник» представляет собой самостоятельный жанр литературы с присущей только ему поэтикой, заключающейся в типологическом единстве «общих» мест (неизменный первый стих с незначительными вариациями, на-

циональное распространение славы, тематика посмертной славы героя-поэта и т.д.). Классический «Памятник» в своей структуре содержит мотивы мнемонических жанров (торжественный плач, эпитафия, реквием) и лирических жанров, связанных с ним (молитва стихотворная, стихотворение-утешение, экфрасис). Также функционально он близок жанру «последнего стихотворения» и стихотворению-завещанию. Стихотворение-«Памятник» исторически развивается по общим законам жанра (канонизация, деканонизация). Наиболее продуктивен «Памятник» в русской литературе, несмотря на то, что своему появлению и начальной «зрелости» он обязан зарубежной, в частности, западноевропейской литературе. Русская литература представила нам как классический «Памятник», так и неклассический со множеством вариаций.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора.

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Жилияков, С.В. Об одном претексте «Памятника» Горация: феномен рождения жанра // *Вопросы филологии. №4. Специальный выпуск / С.В. Жилияков.* — М., 2008. — С. 117—121.

Публикации в других изданиях:

2. Жилияков, С.В. «Eхегі monumentum» как жанр // *Актуальные проблемы изучения литературы на перекрёстке эпох: сборник научных статей Всероссийской заочной конференции / С.В. Жилияков.* — Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. — С. 121—127.

3. Жилияков, С.В. «Памятник», или смерть по-дионисийски // *Актуальные проблемы изучения литературы на перекрёстке эпох. Форма и содержание: категориальный синтез: сборник научных статей Всероссийской заочной конференции / С.В. Жилияков.* — Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. — С. 342—347.

4. Жилияков, С.В. Генезис жанра плача // *Герменевтика литературных жанров / С.В. Жилияков.* — Ставрополь, 2007. — С. 202—211.

5. Жилияков, С.В. Жанровая композиция «Памятника» Горация // *Philologos*. — Выпуск 7 (№№ 1 —2) / С.В. Жилияков. — Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. — С. 43—46.

6. Жилияков, С.В. Взаимосвязь типа коммуникации и текста художественного произведения (на примере стихотворения «Памятника» «Из страниц-центонов» М. Сухотина) // *Лингвистическое образование: традиции и инновации: Материалы межрегиональной заочной научно-практической конференции* / С.В. Жилияков. — Старый Оскол: Изд-во: «Оскол-Информ», 2010. — С. 10—13.